

Ольга Брюс

Зинуля

18+

Ольга Брюс Зинуля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69023473

SelfPub; 2023

Аннотация

Зина Мухина выросла в неполной семье. В юности она была сорвиголовой, а, когда родила сына от обманщика, начала проявлять жалость к людям. Особенно к маленькой девочке по имени Зиночка. Зиночку отдали в чужую семью без предупреждения. Воспитателя Зину Мухину сразу уволили из детского дома, чтобы она не разыскивала ребенка.

Ольга Брюс

Зинуля

– Фёдоровна, а что это ночами из вашей хаты мужики выпрыгивают? – своенравная любопытная соседка кричала через забор, чтобы вся улица услышала.

– Какие мужики? – подняв брови, Марина удивилась.

– Обыкновенные. Что штаны носят! – с усмешкой ответила Клавдия Петровна и вылила грязную воду между клумб.

– Зину-уля-а-а! – Марина развернулась и крикнула в открытую дверь. – Выйди ко мне!

Зина нежилась в постели и не спешила вылезать из-под тёплого одеяла. Ох и ночка сегодня была! Аж ноги до сих пор трясутся. А Гришка-то, Гришка! Таких ездунув поискать. Ну до чего ж вынослив, а! А ласковый, что сердце заходится. Целует, на ушко всякие нежные слова бормочет... А как погладит, что голова кругом. Вот только замуж не зовёт, падлюка бессовестная. А Зинке уже шестнадцать, пора бы сватов да за свадебку.

Откинув ватное одеяло, Зина потянулась, сладко зевнула и поставила ноги на пол.

– Зинуля-а-а! – мама входила в хату и продолжала звать непутёвую дочь.

Как только закрыла за собой дверь, кинулась в комнату и замахала грязным вафельным полотенцем.

– Ты что ж делаешь, зараза такая! – начала лупить ещё не до конца проснувшуюся девку. – Ты что ж меня позоришь, а? Соседи в наш огород заглядывают, а потом сплетни по селу разносят! Какие ещё мужики? Ты в котором часу домой пришла? Почему до сих пор спишь?

– Да где я сплю? – закрыв лицо руками, Зина зажмурилась. – Встала я уже! Встала!

– А ну, признавайся, лазил кто в окно? Да я ж тебя паскуду такую на щепки растащу! У тебя экзамены на носу, а ты не головой, а межножьем думаешь?

– Не было никого! Я правду говорю.

– А почему мне соседка сказала, что видела хахалю ночью?

– Кто? – Зина отбежала к стене и заголосила во всё горло. – Тётка Клавка? Ты её слушаешь? А ничего, что её Галька не известно, от кого? Родила, дура старая, от кого-то приезжего, а меня обсуждает! Пусть лучше за собой смотрит! И за Галькой своей! Та, овца безмозглая, сама по танцам шляется!

– Пусть шляется, сколько влезет, а ты умнее будь, – Марина не могла отдышаться. Закинув полотенце на плечо, она стянула с головы косынку и вытерла ладонью вспотевший лоб. – Смотри, Зинка, если узнаю, я тебя...

– Вот и смотрю, чтобы побыстрее окончить школу и замуж выскочить, – Зина приставными шагами двинулась к стулу. – Меня Гришка давно за собой зовёт, да только тебя жалко.

– Какой Гришка? – вытаращила глаза Марина.

– Никакой. – Зина поняла, проговорилась, как малолетка, а сама обещала Григорию Задойнову молчать.

Отдышавшись, Марина приказала дочери пойти в огород и заняться прополкой, а сама отправилась выгонять корову в поле. Выводя Зорьку из сарая, через забор она заметила Клавку. Та тоже выпроваживала свою кормилицу и одаривала ласковыми словами.

Поравнявшись с соседкой на дороге, Марина решила спросить, правду ли Клава сказала или опять соврала.

– Марин, вот ты интересная такая, – Петровну перекосило от злости. – Я тебе о чёрном, а ты про белое судачишь. Говорю же, своими глазами видела, как из окна мужик выскакивал. Выпрыгнул, а Зинка голову высунула. Губами соприкоснулись, он её за титьку помацал, а она, рожа бесстыжая, посмеивается.

– Тоже скажешь, – раскраснелась Марина, помахивая прутиком, – за титьку. Девке шестнадцать, а ты такие вещи говоришь.

– Ой, придумала тоже. Да хоть пятнадцать, а только гулящую натуру не спрячешь. Если уже без зазрения совести в дом приводит, то того и гляди, скоро в подоле принесёт.

– Клав, а ты сама-то, от кого Гальку родила? – покосилась Марина на болтливую соседку.

– А не твоё дело, – фыркнула Клава и ударила свою корову по округлому задку. – А ну, пошла! Чего телишься? –

обогнала Марину и Зорьку, оставив тайну рождения дочери в строжайшем секрете.

Марина и Клава – обе были безмужние. Клава всю молодость проплясала, красотой промаячила, да только мужики таких замуж не берут. Не видят в них мать будущих детей, добросовестную хозяйку, отверженную труженицу, заботливую жену. Отцвела Клавдия и не заметила, как пробились первые седые волоски, а за душой ни любви, ни мужской руки, чтобы по хозяйству помощь была. В последний раз сходила на день села в тридцать девять лет, а домой под утро вернулась. Через положенный срок родилась Галя – надежда и отрада. Кто отец девочки – Клавдия так никому и не сказала. Мать Клавку долго допытывала, боялась, что дочь непутёвая к семейному прильнула, да только Клавка не из предателей. Закопала свою тайну глубоко в сердце и запечатала тайник на веки вечные.

А Марина мужа рано схоронила. Было ей всего ничего – двадцать семь. Муж её, Потап, слишком резвый был, силой похвалялся. И верно, Матушка-природа не обидела добра молодца, силушки дала – аж на троих хватит. Подымал Потап брёвна тяжёлые в одиночку, сам переносил, сам на пеньки распиливал да на дровишки раскалывал. Где двое не справятся, там Потап на помощь спешит. Скинет телогрейку, сверху шапку набросит и давай богатырской ручищей лопатою махать. Земелька не рыхлая, глиной и известью отдаёт, а Потапу нипочём. Машет руками, будто косой по весеннему

лугу, ямы копает, что бульдозер, борова на спину кидает, как будто это и не боров вовсе, а котёнок трёхмесячный. Во какой силищей обладал, всем на зависть. Любили в селе Потапа, частенько на подмогу созывали. Хвалили, силе его радовались, да только недолго его мощью люди добрые пользовались. Утоп Потап на болотах, когда за клюквою сподобился. Долго Марина горевала, любовь канувшую оплакивала, чёрный платок два года не снимала. Сама, как этот платок, почерневшая ходила. Как скошенная травинка, под летним солнышком высыхала. А потом вдруг ожила, узнав о себе весть неприятную. Кто-то из местных баб пустил пулю, мол, Маринка скорбящей прикидывается, а сама ночами за фермой на соломенном стожке с Ванькой Немытым кувыркается. А Ванька тот на подхвате был, навоз в стойлах чистил да бидоны дояркам подносил. Доярки за спиной начали посмеиваться над Ванькой и Мариной, клубок сплетен распутывать, масла в огонь подливать. И как-то вечером случилась драка в женском коллективе, когда Марина прознала, кто та языкастая, что про неё басни сочиняет. На ферме стоял дым коромыслом, бабы кричали, двух дерущихся разнимали, а Ванька в сторонке стоял и похихикивал. Дурачком он был, с рождения. И не понимал толком, зачем женщины друг другу волосы вырывают. Стоит, стену плечом подпирает, а у самого изо рта слюнка течёт.

С тех самых пор Марина взяла себя в руки и перестала слёзы горькие по муженьку усопшему проливать.

Передав корову пастуху Степану Трофимовичу, она направилась к ферме, доить свою холеную пятёрку.

– Маринка! – из соседней улицы её кликнула Марфа Ивановна, мать кузнеца, спешила обрадовать почётную доярку. – Погодь! – она торопилась обогнуть забор. – Маринка, радуйся! – подбежала грузная женщина и положила руки на плечи Марины. – Радуйся, девка, награда тебе будет!

– Какая награда? – опешила Марина, вглядываясь в уставшие глаза женщины.

– Ты ж ночью телёнка спасла! Он задом шёл, а ты его вытянула. И корова целая, и у телка ноги не переломаны!

– Фу ты, Ивановна. Да что ж тут сложного-то? Впервой, что ли? – махнула рукой Марина и попутно поздоровалась с мимо проходящими бабами.

– Как же. Председатель, как узнал, что ты не оставила Милку, съездил, проверил, цел ли телок. А потом как топнет, ка-ак взмахнёт ручкой беленькой, да и высказался, мол, хватит Фёдоровну стороной обходить, она у нас первая доярка в деревне. Будет ей грамота и подарочек от колхоза-а! – расхохоталась Ивановна, шлёпнув себя по колену. – Маринка, жди день села. Как урожай соберём, так грамоту твою и обмоем!

– Да на что мне эта грамота? Над дверью, что ли, повесить? – засмушалась Фёдоровна.

– Да хоть к забору приколоти, но знай: ты у нас теперь в почёте. Была вторая, а стала самая первая! В конце лета не

забудь позвать на праздник, чтобы грамоту в рамочку поместила и подарком похвасталась!

Толкнув слегка Марину, Марфа Ивановна, еле переставляя ноги, хохотала от души. Ясно, почему она так веселится. У неё ж сноха в первые ряды метилась, но прошляпилась. Теперь Марину чествовать будут. А сноха у Ивановны, ой, как жаба-а. Ну такая жаба, что в местных лесах такие и не водятся. Завистливая, злая, тощая, как спичка, а крикливая-а-а, спасу нет. Как рот откроет, хоть уши затыкай. Сирена, ей-богу, сирена. Так и гипнотизирует своей горлопайкой.

Не нужны Фёдоровне слава и почёт, не нужны рукоплескания, поздравительные возгласы. Ей бы Потапа кем заменить, да совестно. Девка уже, считай, на выданье, да и сама – фрукт не первой свежести. Стыдно замуж-то, люди не так поймут.

Неспешно переступая через колдобины, Марина двигалась на работу и вспоминала мужа. Как ты там, родимый? Глядишь за семьёй-то или забыл давно? Радуетесь за жену-то?

– Марина Фёдоровна!

Посторонний голос отвлёк от тяжёлых мыслей.

– А? – Марина повернула голову и увидела дочку соседа, что дом напротив стоит.

– Марина Фёдоровна, давайте обратно. Там какая-то женщина приехала. Орёт на всю улицу и колошматит Вашу Зинку, – задыхаясь тараторила Глаша.

– Какая женщина?

– А я почём знаю? Убью, говорит, чтоб знала, как чужим мужикам в штаны ручонки запускать.

– Каким мужикам? – Марина сняла сандалии, прижала их к груди и ринулась спасать дочь.

Заворачивая на свою улицу, она услышала крики. Возле забора стояли женщины с ребятишками и глазели на бесплатное представление, громко переговариваясь и посмеиваясь.

– Неужто Зинка мужика оттяпала?

– А что ей терять? Девка молодая, красивая, в самом соку!

– А мужик чей же?

– Да бог его знает. Какой-то Самойлов. У нас таких отродясь не было!

– А не тот ли Самойлов, что в Зареченске живёт?

– Всё может быть.

– А баба эта, кто ему будет?

Женщины глянули на пухлую бабёнку с крепкими кулачищами, таскающую Зинку за волосы.

– Жена?

– А он разве женат?

Женское племя одновременно пожало плечами. Женат – не женат – неизвестно, всех жителей Зареченска и не упомнишь. Село большое, на несколько километров расстилается, народу – тьма тьмущая.

– Не тот ли это Самойлов, что Игнату Никифоровичу пле-

мянником приходится? – баламутила свою память женщина в переднике. – Он ещё из городских.

Бабы вновь недоумённо пожалы плечами.

– Расступись! – крикнула Марина, бросившись в толпу.

Дав дорогу хозяйке, бабы приготовились к новому представлению. Марина рванула калитку на себя и вбежала во двор. Там какая-то толстуха мутузила её дочь, схватив за длинную косу. Швыряла по всему двору и орала, как бешеная.

– Куда ты лезешь, шмакодявка? Куда ты свои лыжи навострила? Кого ночами привечаешь? А я тебе сейчас все патлы повырываю, ножонки твои кривенькие повывкручиваю! Я тебе покажу, как к женатому в койку прыгать! Я тебя так раздеру, что ни одна живая душа не соберёт!

– А ну, убери свои крэгли от моего дитя! – навалилась на толстушку Марина и наклонила её голову назад, вцепившись в густой пучок волос. – Отпусти девку, иначе я за себя не отвечаю!

Крикливая нападающая, не ожидая внезапной атаки, расцепила пальцы и завыла в небо:

– А-а, отпусти! Отпусти, шею сломаешь!

– И сломаю! Ты кто такая? Откуда пришла? За что девку мою лупцуешь? – грозно отрапортовала Марина, оттолкнув дочь.

Раскрасневшаяся Зина отпрыгнула и завизжала на всю улицу, разгоняя соседей:

– Что уставились? Делать нечего? Идите отсюда!

– Ой, поглядите-ка, то молчала, когда эта её за космы тягала, а тут видишь, осмелела! – расхохотались любопытные зрители.

– Да я вас сейчас... – Зинка схватила вилы, воткнутые в землю, и направила на людей.

Те бросились врассыпную. Да ну её, придурошную, ещё уколет.

– Зинка! В дом! – гаркнула Марина, наблюдая, как толстуха извивается, пытаясь высвободить волосы.

Пригрозив кулаком незнакомой бабе, Зина прилизила пальцами выбившиеся волоски и забежала в хату.

– А теперь рассказывай, кто ты и откуда сюда пришлёпала, – Марина толкнула женщину в спину. – Почто на девку мою кинулась?

– Твою девку надо в монастырь сдать, чтобы поскромнее себя вела, – гостья вытирала слёзы и шмыгала носом. – Я б на твоём месте так бы её прутом оприходовала, чтоб враз мозги на место встали.

– Да причём тут моя Зинка, скажи толком?

– Смотрю, годков-то ей мало, а как на мужиков прыгать, уже научена, – задыхалась приезжая, поправляя причёску.

– А ну-ка, айда в хату, – Марина взяла гостью за широкий рукав платья и потащила за собой, чтобы не дать соседям удовольствия, подслушать любовную историю.

Усадив бабу за стол, она поставила перед ней кружку с

водой.

– Пей.

Охладив разгорячённое горло, женщина выдохнула.

– А теперь выкладывай.

– А что выкладывать? У меня дочка на выданье, а твоя малолетка дорогу ей перешла, – всхлипнула от обиды гостья. – Я свою давно в ту семью сватаю, а тут вона, что.

– Договорённость у них? – стало жалко чужую дочь. Марина села рядом, чтобы выслушать.

– А как же. Девку испортил, а сам на гульки. Вона, к твоей бегаёт, – махнула рукой в сторону толстуха. – А нам теперь, что прикажешь делать?

– А девка-то, на сносях, поди?

– Угу, – и баба заревела в три ручья.

– Зинка! Подь сюда! – у Марины жар образовался под черепной коробкой. – Иди, говорю, всю правду докладывай!

Зина вышла, исподлобья посмотрела на женщин и закусила губу.

– Что?

– Не штокай. – ударив себя по колену, Марина обратилась к плачущей. – А вы... как вас звать?

– Глафира я.

– Глафира, что за парень, как фамилия?

– Самойлов, – всхлипнула та, строго зыркнув на самовольную девчонку.

– Самойлов? – Зина осмелела. – Так ты ж ошиблась, дура

старая!

– Замóлчь, – нахмурилась Марина. – Не гоже со старшими так говорить.

– Ага. Она меня за косу, а ты за неё заступаться?

– Говори правду, иначе я сама за тебя возьмусь! – рыкнула мать, шлёпнув ладонью по столу.

– А что тут говорить. Эта жирная домо́м промахнулась, а меня виноватой сделала, – развеселилась девчонка.

– Как это? – Глафира впала в ступор.

– А вот так. Про Самойлова мне Галька рассказывала, правда, я его ни разу не видела. Вот идите к ней и таскайте за волосы, а от меня отстаньте, – закинув потрёпанную косу за плечо, Зина удалилась в комнату.

– Ой, – Глафира накрыла голову руками и застонала. – Ой, беда...

Стыдно стало женщине за свою спешку и неразборчивость. Надо было вначале узнать, кто здесь живёт, а не кидаться на девку, которая по описанию похожа на ту, что доро́гу перешла её дочери.

– Так, ясно. – Марина вспомнила слова Клавдии, как та упрекала Зинку в связях с мужиками. – А пойдём-ка к соседям. – Поднялась и позвала за собой гостью. – Сейчас мы и узнаем, кто из чьих окон ночами выпрыгивает и кто кого за титьки мацает.

Удивлённая Глафира ошарашенно посмотрела на хозяйку. Выходя из дома, Марина предупредила гостью, чтобы та

молчала, говорить будет сама Марина. Во дворе Клавдии было тихо. Калитка закрыта, дверь – тоже.

– Наверное, на птичник ушла, – расстроилась Марина, высматривая соседку в огороде. – Эх, жаль, сейчас бы таких новостей узнали...

Вдруг, со стороны сарая послышался плач. Тоненький такой, будто кто-то на скрипочке играет.

– А ну, – Марина отворила калитку, – за мной.

За сараем растёт куст малины, а под ним сидят куры, от яркого солнышка прячутся. Марина нагнулась и прислушалась. Писк стоял такой, что душа заныла.

– Да кто там? – вполголоса спросила женщина. – Выходи.

И перед ней возникла фигура в полный рост.

– А ты чего здесь?

Галя вытирала заплаканное лицо скомканной косынкой и хлопала носом.

– Сижу-у.

– Прячешься от кого?

– Нет. Мне грустно. – затинула песню девушка.

– А мать где? На работу утопала?

– Да-а.

– Ой, мне ж тоже на ферму бежать надо, – опомнилась Марина. – Ты бы сходила к Зинке, чего грустить. Или мамка не позволяет? – свела на переносице пушистые брови.

– Тётъ Марин! – девчонка выскочила из-за куста и повисла на соседке. Слёзы потекли по щекам, омывая грудь жен-

щины. – Тётъ Марин...

– Да что ты, девка? Кто ж тебя так расстроил? – округлив глаза, Марина стояла потерянная.

Знала Галя, что соседская тётка не обидит, не упрекнёт и не станет ругать. А вот мать родная может и дать прута отведавать. Сотрясаясь всем телом, девочка разрыдалась не на шутку. Чувствуя, как ребёнок дрожит, Марина нежно погладила густые сивые волосы.

– Ну что ты, девочка моя, что? Кто ж тебя так до слёз довёл? Кому руки оборвать? Ты скажи, скажи тётке, она сейчас быстро обидчика накажет. А если это мать твоя учудила, то я с ней поговорю.

– Не надо-о! – раздалось на весь двор.

– Как не надо? Смотри, ты вся трясешься. Так и до болезни недолго. Кто этот негодяй, скажи тётке Марине.

Ласковый голос звучал в ушах, настраивая Галю сказать правду, но что-то сдерживало.

– А может, вы с Зинкой в ссоре? То-то я давненько вас вместе не вижу. Галочка, ну что стряслось? – по-матерински жаль девчушку, будто Галя и есть родная дочь.

– Тётя Марина, – немного успокоившись, Галя подняла красные глаза на женщину, – а рожать больно? – тихо спросила она.

И бетонная плита упала на плечи молодой женщины. Господи, к чему такие вопросы?

– Девонька, тебе всего пятнадцать. Не думай об этом, рано

ещё, – голос Марины провалился за грудину.

И Галя опустила голову и отошла назад.

– Или ты... Бог мой! – воскликнула Марина. – Да как же это? Кто? Кто тебя в женщину превратил? Кому стручок открутить, чтобы знал, как на молочных прыгать?

– А вы мамке моей не скажете? – пробурчала девчонка, вытирая нос.

– Да как тут не скажешь-то? Она ж со временем сама увидит.

– Не увидит, Гринька сказал, что само рассосётся.

– Какой Гринька?

– Самойлов.

Глафиру будто обухом по голове ударили. Она оттянула волосы на висках и бросилась бежать. Куда бежать? Зачем? Её ноги заплетались, а в груди сжимались рёбра. Всё, кранты! Не видать жениха, как своих ушей! Посадят Самойлова, ей-богу, посадят!

Поговорив с Галей, Марина утешила её, пообещала ничего не рассказывать её матери и отправилась на ферму. Пока шла, не могла представить, как это – беременна в пятнадцать? И врагу не пожелаешь такой беды. Девчонке школу нужно закончить, потом поступить в училище, а уж после думать о...

– Бр-р, в голове не укладывается, – передёрнув плечами, женщина перешла дорогу и двинулась в сторону молоденьких насаждений, за которыми виднеется ферма.

– Ну что! – раздалось позади. – Допрыгалась?

Обернувшись, Марина увидела Клавку, спешащую к ней.

– Что, спрашиваю, не доглядела девку-то?

Ясно, к чему она клонит. Бабы уже разнесли весть по селу, чтобы у них языки отсохли. И как такое может быть, село Певчее славится талантами, уж очень много жителей, от мала до велика, рождённых здесь, имеют красивый, звонкий голос, поют на праздниках, вечерами, сидя на завалинке, поминках, да на любом событии, а сплетничать любят не хуже вековой старухи. Зачем позорить село с таким музыкальным названием? К чему тратить время на пересуды и обсуждения чужих детей и мужиков?

– Ты специально за этим пришла? – нахмурившись, спросила Марина и пошла дальше. – Мне недосуг с тобой лясы точить, работать надо.

– А ты послушай, послушай, родимая, что я тебе скажу. Слушай и на ус наматывай. Вот сейчас по Зинкину душу баба приезжала, а в скором времени повитуха нарисуетя. Ты ж ночами на ферме пропадаешь, ничегошеньки не замечаешь. А я, как дозорный, стою на посту, слежу за твоим дитём и честь её берегу. Куда пошла? – Клавка удивлялась, тут такая беда случилась, а соседке хоть бы хны. Отвернулась и топает, будто глухая. – Маринка, я тебе дело говорю, девка твоя дюже по мужикам слабая. Сегодня чья-то жёнка приехала, а завтра Зинка в подоле принесёт. И не совестно тебе глаза закрывать на её проделки?

– Да ты бы под своим носом побольше глядела! – рявкнула Марина, повернувшись. – У самой-то девка в целомудрии живёт? – сказала она и сразу замолчала.

Опомнилась, чуть не проболталась о Галькином положении.

– Ну-ну, чего замолкла? – усмехнулась Клавка, соорудив довольное лицо. – Продолжай. Что, добавить нечего? То-то же. Моя девка твоей фору на пять лет вперёд даст. Не дочка, а клад. Ни с одним до свадьбы путаться не станет. Во как!

Осуждающе качнув головой, Марина направилась к ферме. А Клавка, вылив отрицательные эмоции и удовлетворив свою гнилую натуру, потопала к птичнику.

Вытирая тряпкой коровье вымя, Марина не могла выбросить из головы слова нахальной соседки. Ну так ей в душу запали её надменность и хвастовство, что женщина улыбнулась, представив, как Клавка «обрадуется», когда у Гальки пузо выпрет на всеобщее обозрение. Жалко девчонку, попадёт ей, но и Клавка достойна «сесть в лужу». Хватит над чужими девками потешаться, сплетничать и разносить грязь по селу.

Месяц проходит, второй, третий, а Галькин живот всё такой же: плоский, невидный. Обманула, что ли? Или напутала чего? В пятнадцать лет можно что-то не так понять, но соврать про беременность? Время идёт, а воз и ныне там. Вот и Зинка в город укатила, поступила в училище на швею, осталась там в общежитии, а Галина в школу ходит, послед-

ний год учится.

– Не понимаю, – работая в огороде, Марина незаметно бросала косые взгляды на девчонку, вешающую на верёвку постиранное бельё. – Или пошутила?

Галя в последнее время ходила сама не своя. С одноклассниками дружба сошла на нет. Девочка не желала тесно общаться, как раньше. После уроков сбегала домой, дав отказ на вечернюю прогулку. Подруги удивлялись её поведению, но не напирали и не настаивали, думая, что Галя наказана матерью за какие-то провинности. Перебирая картошку во дворе, Галя всхлипывала и вытирала нос рукавом старой куртки.

– Шевелись, – бубнила Клавдия, косясь на сгорбившуюся дочь. – Потом в подпол полезешь. Я буду вёдра подавать, а ты сыпать.

Клава тоже заметно изменилась. Её взгляд стал задумчивым. Она уже не лезла к Марине с расспросами о Зинке: как она живёт в городе, учится ли или бегает на свиданки к местным ухажёрам. Затихла Петровна, закрылась в себе. Не слышно из её дома песен, нет ругани по поводу очереди в магазине, остыли споры, угасла Клавкина охота быть всюду первой.

В июне, когда Галя сдала экзамены и получила аттестат, Клава проводила её в город и пожелала счастливого пути.

– Надеюсь, ты быстро освоишься, встретишь свою судьбу

и останешься жить там... – вздохнула она и сухо поцеловала дочь в лоб. – Не возвращайся сюда, Галя. Здесь тебе делать нечего.

Садясь в автобус, Галина с грустью взглянула на маму.

– Только ты никому не говори, – добавила Петровна, вытирая слёзы под глазами. – Не позорь ни меня, ни себя.

Махнув рукой, она развернулась и медленно поплыла к дому.

Галя всплакнула. Надо же было такому случиться... Гришка исчез и не появляется уже целый год. А так хотелось пожаловаться ему и рассказать, как мать отругала, когда узнала о беременности. Сколько слёз пролила девчонка, пока ждала, что Гриша женится на ней и увезёт в свой дом, как и обещал. Но нет, не приехал после того, как она объявила о своём положении.

– Где ты, Гришенька? – сев на свободное место, Галя посмотрела в окно.

Матери уже не было. Убежала, от греха подальше. Пассажиры набились в салон, как огурцы в бочку. Рядом с Галей встала хромая бабушка и попросила уступить ей место.

– Грех на тебе, девонька, – зашептала старушка, усаживаясь на место Гали, – и за этот грех будешь расплачиваться всю свою жизнь.

– Что? – Галю ошарашили дерзкие слова бабули.

– Не что, а молись. Молись и кайся. Ты бога прогневила, – положив палку между ног, старушка заправила выбившиеся

волосы под платок и усталилась в окно.

Ощувив страх, подкрадывающийся в душу, Галина протиснулась в толпу и встала у задней двери. Странная какая-то эта бабушка. Откуда ей знать, был грех или нет. Насупившись, девушка взялась за поручень, и автобус качнулся, отъезжая от автовокзала. Галя ехала в районный город, чтобы подать документы в то же училище, в котором училась Зинка. А что, вдвоём веселее. Есть надежда, что и в общежитии будут жить в одной комнате. Ничего, что в последнее время девчонки не общались, зато родная душа будет рядом. Страшно жить в чужом городе, но ещё страшнее, когда рядом нет знакомых. Но там есть Зина. Радуюсь скорой встречи с бывшей подругой, Галя представляла, как Зинка обрадуется.

Добравшись до училища, Галя подала документы, а после поехала в общежитие. Там её ждал сюрприз – отсутствие Зинки. Узнав, что она вышла замуж и живёт в квартире, Галя взяла её адрес у бывшей соседки и, оставив вещи в комнате, куда её заселили, поехала поздороваться. Девушка с лёгкостью нашла дом, вошла в подъезд и поднялась на третий этаж. Нажав кнопку звонка, прислушалась к шуму, доносящемуся из квартиры.

– Иду! – отозвался женский голос.

Щёлкнул замок и дверь открылась.

– Вам кого? – женщина лет шестидесяти смотрела на гостью с неким презрением.

От неё пахло куриным супом и пирожками. Галя с голодухи почувствовала тяжесть в желудке. Сглотнув слюну, она приподняла уголки губ и робко спросила.

– А Зина Мухина здесь живёт?

– А вы ей кто будете? – пронзая девушку сердитым взглядом, спросила хозяйка.

– Подруга.

– А-а, ещё одна, – грубая горожанка распахнула дверь пошире и кивнула головой, – заходи.

Переступив через порог, Галя кротко огляделась. Обычная квартира, как у всех, только как-то неуютно стало.

– Зинка ваша мне денег задолжала, – сунув сигарету в рот, хозяйка чиркнула спичкой. – Как найдёшь её сразу шли ко мне.

– Денег? – выкатив глаза, Галя прижалась к стене и сложила руки на животе. – А муж?

– Чей муж? – втянув сигаретный дым, женщина впиалась маленькими глазами в гостью.

– Зинкин.

– А-а, Гришка, что ли? – выпустив дым, хозяйка ушла в кухню. Там загремела посудой, громко проговаривая каждое слово. – У Гришки в любом уголке по жене. – усмехнулась и выронила сигарету. – Я его с детства знаю. Вырос оболтусом, каких поискать.

– А что за Гриша? – напряглась девушка, представив своего Гришку рядом с Зиной.

– Задойнов, – хихикнула женщина, помешивая суп в кастрюльке.

Уф-ф, отлегло. Галя вытерла ладонью лоб и поблагодарила за информацию.

– Ты это, поднимайся этажом выше. Там Зинка проживает. Правда, я её уже несколько дней не вижу. Наверное, к своим уехала.

– Куда?

– Откуда мне знать, куда. Я ж ей не мамка. Она мне соседкой приходится. Иди наверх и стучись. Может, Гришка дома.

Поблагодарив хозяйку, Галя вышла и посмотрела на номер квартиры. Действительно, ошиблась. Побежала по лестнице, надеясь застать Зину. Постучала в дверь и услышала тяжёлые шаги.

– Зин, забыла чего? – мужчина повернул ключ в замке, и перед Галей предстал Гриша.

– Гришка! – радостно воскликнула девчонка и бросилась обнимать парня.

– Стой! – он оттолкнул Галю и вытаращил на неё заспанные глаза. – А ты откуда? Как ты меня нашла?

– Я Зину искала и даже подумать не могла, что увижу тебя здесь, – глаза Гали сияли от радости и постепенно наполнялись слезами. – Гриша, почему ты не приехал, как и обещал? Я тебя ждала, все окна проглядела. Знаешь, как я соскучилась, – всхлипнула девушка. – У меня до сих пор твой платочек хранится, что ты мне подарил.

Вынув из лифчика носовой платок, Галя протянула его опешившему Грише. Тот схватил его и сунул в карман шорт.

– О, смотрю, рассосалось, – усмехнулся самодовольный мужлан, показав пальцем на живот девушки. – Как и обещал, – подмигнул и попрощался. – Ладно, спасибо, что зашла. Пока.

Хотел закрыть дверь, но Галя просунула руку в щель и завизжала от боли.

– Дурная. Куда ручонки суёшь? – гаркнул Гришка и оттолкнул девчонку. – Иди отсюда!

– Гришенька, ну как же так? Ты не рад меня видеть? Или ты забыл, как мы с тобой...

– Иди, а? – зашептал мужчина, прислушиваясь к шагам на первом этаже. – Вали. Понимаешь? Ва-ли. Не нужна ты мне. Ну-у, так бывает, повстречались, разбежались. Иди отсюда.

– Гриша? – подбородок Гали задрожал, брови опустились на глаза, а изо рта потянулся девчачий писк. – И-и-и-и...

– Этого ещё не хватало. Галь, испарись. Исчезни. Ты найдёшь себе ещё кого-нибудь. А я женат.

– На Зинке? – Галя вот-вот разрыдается.

– На Зинке, на Зинке. Всё отчаливай, – толкнув девчонку в плечо, Гриша захлопнул дверь.

Галя опустила голову, и эмоции вырвались наружу. Она побежала вниз по лестнице, захлёбываясь слезами. Навстречу ей попалась какая-то старушка. Галя чуть не сшибла её, когда пронеслась совсем рядом.

– Нахалка! – крикнула вдогонку бабушка, прижавшись к стене.

Выскочив наружу, девушка понеслась по двору, не замечая препятствий. Слезы застилали глаза, и Галя спотыкалась на неровностях. Проскочив весь двор, она оказалась у проезжей части. Рванув через дорогу, чуть не попала под машину. Водители сигналили, кричали, махали кулаками, но плачущая девица не слышала их и неслась, не разбирая дороги. Очутившись в незнакомом месте, она прижалась к старому тополю.

– Гриша, как же так? Гришенька... – застонала Галина, давась обидой. – Я же люблю тебя.

– Девушка, вам помочь? – к ней подошла женщина сорока лет. – Вам плохо?

Галя с ненавистью посмотрела на горожанку и бросилась бежать дальше. Завернув за угол высокого здания, она прильнула плечом к кирпичной стене и резко открыла сумочку. Вынула зеркальце, взглянула в него и ужаснулась. Лицо красное, веки припухли, а нос стал похож на сливу. Галя прибрала растрёпанные волосы, вытерла рукой слёзы и выдохнула.

– Всё равно ты будешь мой, – проскрипела зубами и спрятала зеркальце в сумку.

Гриша ходил по квартире, как пришибленный. Откуда она взялась? Кто дал адрес? Припёрлась такая деловая, на шею

бросается. А если её мамаша подслала? Ох, хоть бы она не явилась вновь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.